

Нин Юань долго размышлял, но так и не смог подобрать подходящего прилагательного, чтобы описать своё потрясение... Это мягкое убийство... Заставлять человека собственными глазами видеть, как он постепенно умирает... Насколько сильной должна быть воля у человека, чтобы терпеть до сих пор и только теперь прийти к ним за «помощью»?

Ван Сяомо, с трудом сохраняя улыбку, произнесла:

— Редкостно, что молодой брат Нин и почтенный мастер удостоили меня своего внимания. Для меня, Вана, это огромная честь.

Сказав это, она повернулась к здоровенному мужчине с смуглым лицом и добавила:

— Ты сначала выйди, я сначала поговорю с мастером и братом Нином.

На круглом столе уже было ломиться от еды. Салфетки были сложены в виде цветов и лежали в тарелках, блестящие чёрные палочки для еды в стилизованных под старину бумажных чехлах наполовину выглядывали наружу. Весь VIP-зал, будь то стол, мебель или обои на стенах, выглядел очень празднично. Это резко контрастировало с Ван Сяомо, стоящей перед ними, которая за месяц словно превратилась в безнадежно больную.

Красивая хрустальная люстра неподвижно висела прямо над столом.

В огромном VIP-зале было только трое гостей: он, Нин Юань, Янь и Ван Сяомо, отчего казалось особенно просторно и уныло.

Ван Сяомо, с трудом улыбаясь, поздоровалась с ними, а затем молча села, вертя в руках что-то. Только сейчас Нин Юань разглядел, что Ван Сяомо всё это время гладила венозный катетер на другой руке.

Такое ставят только людям, которым часто делают капельницы. Когда у Нин Юаня был острый перфорит желудка, он видел их в больнице, но даже тогда у него не было права на такой катетер.

Ван Сяомо молчала, Нин Юань и Янь тоже молчали. Внезапно весь зал погрузился в странную тишину.

Хотя Нин Юань понимал, что «враг не шевелится — и я не шевелюсь» — лучшая тактика, но его телу было всего 16 лет, возраст активного роста. После целого дня уроков и мучений от своего дурачка-одноклассника Нин Юань давно был голоден как волк. Только что в магазине он тайком съел несколько закусок, приготовленных Янем, чтобы немного перебить голод.

Но в этом возрасте, если не начинаешь есть, можно ещё как-то терпеть, но стоит только укусить кусочек, как голод накрывает с головой.

Нин Юань думал, что здесь они просто обменяются парой фраз и начнут есть. В глазах Ван Сяомо он ведь всего лишь 16-летний ребёнок.

Он попросил того здоровяка пригласить их, вероятно, ради Яня, а не его.

Так Нин Юань мог спокойно есть, пока они обсуждают дела, и заодно подслушать, о чём речь. Но кто мог предвидеть? После приветствий в зале повисла такая странная тишина... Неловкость! Сидя там, Нин Юань не знал, брать палочки или нет, но от голода кружилась голова...

Неизвестно, от волнения или от голода, но на лбу Нин Юаня уже выступили капли пота.

— Господин Ван, если есть вопросы, говорите прямо, — произнёс Янь, проводя длинным пальцем по гладкой поверхности стола, словно невзначай.

Ван Сяомо приоткрыла глаза, взгляд скользнул между Нин Юанем и Янем, и она тихо сказала:

— В прошлый раз я была самонадеянна и обидела вас обоих. Прошу мастера простить меня. Я уже в таком состоянии! Надеюсь, если мастера ещё что-то не устраивает, вы скажете прямо. Я, Ван, если смогу — обязательно исполню желание мастера.

Янь выслушал её, обвёл взглядом её лицо, а потом обернулся к Нин Юаню.

Нин Юань смотрел с недоумением: «На что ты смотришь? Я же ничего не делал».

Янь слегка улыбнулся, перевёл взгляд с лица Нин Юаня обратно на Ван Сяомо и мягко произнёс:

— Господин Ван, вы беспокоитесь напрасно, это не мы сделали...

Ван Сяомо встревожилась, пальцы на столе непроизвольно сжались, и она сказала:

— Не вы? В этом городе я встретила только вас, кто похож на меня. Если не вы! Прошу мастера указать мне путь, кому мне следует искать защиты?

Любой, кто бы это ни слышал, чувствовал в словах Ван Сяомо сильное недоверие.

Янь улыбнулся:

— Господин Ван, душевную боль лечит душевное лекарство. В этом мы правда не можем помочь. Только если вы сами всё отпустите, ваша болезнь пройдёт!

Лицо Ван Сяомо всё ещё было не слишком радостным, но раз разговор зашёл так далеко, ей не хотелось ссориться с таким загадочным человеком, как Янь. Она с усилием выдавила улыбку, вытащила палочки из чехла и первой положила себе еду в тарелку, приглашая жестом остальных:

— Давайте, давайте, время уже позднее, вы наверняка голодны! Сначала поедим, а после еды поговорим...

Когда хозяйка взяла палочки первой, Нин Юань наконец смог приступить к еде.

Хотя Нин Юань чувствовал, что их разговор какой-то странный, возможность поесть его очень обрадовала. Поэтому Нин Юань позабыл об этикете. Когда уже почти с голоду сходишь с ума, кто будет есть медленно? Он схватил палочки и начал накладывать себе то, на что положил глаз.

Абалон, акульи плавники, лобстер!

Ван Сяомо действительно не пожалела средств на этот ужин.

На самом деле Нин Юань не был особенно привередлив в еде. Лишь бы это было не из того, что он особенно ненавидит. Будь то капуста с тофу, которыми его кормил дядя, или абалон с женьшенем, которые сегодня предложила Ван Сяомо — для него разницы особой не было. Если

есть — ест, если нет — не страдает.

Он никогда не считал морепродукты едой, подчёркивающей статус.

Нин Юань всегда был прагматиком: для него главное — наесться.

А с тех пор, как у него начались проблемы с желудком, он считал полезным только то, что благо для организма. Неважно, что это, если полезно — он будет есть, ему всё равно, смеются ли над ним за это.

Как, например, просяная каша с коричневым сахаром, которой его научила одна женщина с прежней работы. Некоторые мужчины считают это чисто женской едой для восполнения крови в «особые дни», но Нин Юаню было всё равно, если полезно — значит, хорошая вещь.

Поэтому этот роскошный ужин Ван Сяомо не вызвал в душе Нин Юаня никакого волнения.

Ужин прошёл тихо. Когда Нин Юань наел наполовину, он замедлился. По-хитрому переводя взгляд с Яня на Ван Сяомо и обратно, он наблюдал за ними. Любопытство было написано у него на лице.

Янь никак не отреагировал, ел с обычной скоростью. А Ван Сяомо, казалось, ела без вкуса. Она накладывала еду, но просто сваливала её в тарелку, почти не притрагиваясь.

Нин Юань искренне восхитился тем, что Ван Сяомо, даже в таком состоянии, пришла на ужин с катетером. Поставь себя на её место — он бы не смог.

Нин Юань заметил, как Ван Сяомо зачерпнула ложкой суп из тарелки, поднесла ко рту, но оставила ложку во рту, не вынимая её долго.

Янь поел немного, видимо, не стал больше смотреть на это, положил палочки, тихо вздохнул и произнёс:

— Господин Ван, вы должны знать, что так называемые боги находятся в сердце человека. Есть старая поговорка: «Если веришь — они есть, если не веришь — их нет».

— То, что с вами случилось, действительно не дело рук меня и Нин Юаня, но если у вас нет других способов, я могу дать вам одну вещь... — Сказав это, он вытащил из кармана браслет из грубо обработанных буддийских чётков.

Нин Юань узнал эту вещь в руках Яня.

<http://bllate.org/book/16450/1492207>